

Видимость и невидимость посетителей центра дневного пребывания «Ангар спасения»

Татьяна Михайловна Крихтова ^[1]

ORCID: 0000-0003-2572-8316

✉ krihtova@gmail.com

^[1] Научная лаборатория «Социологии религии» Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва, Россия

Для цитирования статьи:

Крихтова, Т. М. (2024). Видимость и невидимость посетителей центра дневного пребывания «Ангар спасения». *Фольклор и антропология города*, VI(4), 8–25. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-4-8-25.

Статья рассказывает о полевом исследовании «Ангара спасения» — центра дневного пребывания в Москве, где нуждающиеся люди ежедневно могут получить разные виды помощи. В статье показано, как «Ангар» вписан в городскую среду и что такое соседство значит для его посетителей и для людей, которые живут и работают поблизости. По данным опроса, главная особенность «Ангара» и его посетителей — это невидимость, существование вне поля зрения и внимания жителей района. В статье называются три причины этой невидимости: внешний вид посетителей, мало отличающийся от внешнего вида остальных прохожих; небольшое количество потенциальных «мест встречи» между посетителями «Ангара» и местными жителями и скрытое местонахождение центра дневного пребывания, который находится в пространстве, отрезанном от всего, что его окружает, и не воспринимается как место оказания помощи или опасное место. Эти три обстоятельства — одновременно и недостаток, и преимущество «Ангара». Он спрятан и от глаз тех, кто живет и работает рядом, и от тех, кто приходит туда за помощью. Во-первых, это усложняет получение помощи, а во-вторых, у жителей города не формируется никаких представлений о том, как выглядят место, в котором помогают бездомным, и сами бездомные, что в итоге положительно влияет на работу конкретной организации, но, возможно, усиливает стигматизацию бездомных в целом по городу.

Ключевые слова: бездомные, Москва, благотворительность, невидимость

The Seen and Unseen: Visitors of the “Rescue Hangar”

Tatiana M. Krihtova ^[1]

ORCID: 0000-0003-2572-8316

✉ krihtova@gmail.com

^[1] Laboratory for Sociology of Religion, Saint Tichon Orthodox University, Moscow, Russia

To cite this article:

Krihtova, T. M. (2024). The Seen and Unseen: Visitors of the “Rescue Hangar”. *Urban Folklore & Anthropology*, VI(4), 8–25. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-4-8-25.

The article discusses a field study of the “Rescue Hangar” — a day care center in Moscow, where people in need can get low-threshold help. The article illustrates how the “Hangar” is integrated into the urban environment and what this proximity means for both its visitors and for the people who live and work in the area. The main feature of the “Hangar’s” location and its visitors in this area is invisibility — existing outside the field of view and attention of local residents. The article describes three reasons for this invisibility: the appearance of the visitors, which is not significantly different from that of other passersby; the limited number of potential “meeting points” between the “Hangar’s” visitors and local residents; and the “Hangar’s” hidden location, which is in a space cut off from its surroundings and is not perceived as either a place of assistance or a dangerous area. These three factors are both a drawback and an advantage of the “Hangar”. It is hidden both from the eyes of those who live and work nearby and from those who come seeking help. On the one hand, this makes it harder for people to access assistance, and on the other hand, it prevents city residents from forming any preconceived notions about what a place that helps the homeless looks like or what the homeless themselves look like. This ultimately has a positive effect on the organization’s work but may possibly reinforce the stigmatization of homeless people throughout the city.

Keywords: homeless, Moscow, charity, invisibility

ВВЕДЕНИЕ

В ноябре 2019 года православная служба помощи «Милосердие» выиграла конкурс Фонда президентских грантов на создание программы ресоциализации посетителей «Ангара спасения». «Ангар спасения» — это пункт дневного пребывания в Москве, в который может прийти любой желающий для получения как низкопороговой помощи (питания, обогрева, лекарств), так и для восстановления документов, поиска работы и возвращения домой. Для определения стратегий ресоциализации было предусмотрено проведение социологического опроса посетителей «Ангара» силами Лаборатории «Социология религии» ПСТГУ. Запрос сотрудников на исследование состоял в том, чтобы через выявление мотиваций и ожиданий посетителей «Ангара» сделать его работу более эффективной. В задачи исследования входило также объяснение жизненных траекторий посетителей. Однако в процессе исследования стали возникать и другие вопросы, в первую очередь касающиеся того, как посетители «Ангара» строят свою повседневную жизнь. С первых дней проведения исследования стало ясно, что анкетным опросом сложно охватить и осмыслить сам «Ангар» как пространство, его внутренние законы и взаимодействие с внешней средой, поэтому необходимо изучать происходящее в нем и вокруг него с помощью качественного наблюдения параллельно с проведением опроса.

В этой статье будет рассказано об этнографических наблюдениях за пространством вокруг «Ангара спасения» и его посетителями. В первую очередь речь пойдет о том, как он вписан в городскую среду и что такое соседство значит для посетителей и для людей, которые живут и работают в этом районе.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основная часть исследования проводилась с декабря 2018 по июль 2019 года методами анкетного опроса (анкеты заполнялись сотрудниками Лаборатории вместе с респондентами, на одну анкету уходило от двадцати минут до часа). Анкета вмещала в себя 81 вопрос, они были поделены на блоки, описывающие изначальную ситуацию, историю нахождения на улице, ресурсы и отношение к религии. За время опроса было собрано около 700 анкет посетителей «Ангара» [Орешина и др. 2019].

Но в этой статье будет рассказано не о результатах опроса, а о наблюдениях, которые проводились параллельно основной работе. Кроме сбора анкет после каждого посещения «Ангара» я и другие интервьюеры писали полевые дневники, в которых фиксировали все происходящее во время работы. Увиденное в «Ангаре» и вокруг него обсуждалось на общих встречах и в онлайн-переписке.

Для выяснения того, как «Ангар» вписан в пространство города, я несколько раз прошла всеми возможными маршрутами к нему от разных станций метро, в разное время дня, фиксируя все особенности такого перемещения, а также особенности окружающей инфраструктуры. Я также задавала вопросы прохожим, живущим, работающим или случайно оказавшимся в этом районе.

Для понимания ситуации с помощью бездомных мною также были изучены публикации на популярных порталах и в группах благотворительных организаций в социальных сетях.

Кроме того, в наблюдение попали различные столичные мероприятия 2018–2019 годов, в которых участвуют представители благотворительных организаций.

ИНТЕРЕС К ТЕМЕ БЕЗДОМНОСТИ

Наше исследование проходило на фоне возросшего общественного интереса к бездомности, хотя и началось независимо от событий, вызвавших этот интерес. Однако сам конфликт и аргументы сторон помогли понять многое в перемещении бездомных по городу. Тема бездомности стала широко обсуждаемой осенью 2018 года, после того как петербургская благотворительная организация «Ночлежка», помогающая бездомным, не смогла открыть социальную прачечную в одном из московских районов из-за протеста местных жителей [Сычев 2019]. В 2019 году «Ночлежка» нашла новое место в другом районе для открытия не прачечной, а консультационной службы¹. Это место выбиралось так, чтобы рядом не было детских садов и дворов жилых домов, но и оно встретило протесты со стороны жителей района, при этом далеко не все противники проживают в непосредственной близости от этого объекта². Тема перемещения людей в трудной жизненной ситуации по городу и того, как они себя при этом ведут, стала активно обсуждаться в средствах массовой информации, в социальных сетях и внутри сообщества работников благотворительных организаций. В этих обсуждениях интересными показались аргументы противников таких объектов в своих районах. Чаще всего они писали о том, что не хотят делить район с людьми, чей внешний вид и поведение им не нравится. В их аргументации район представлялся исторически благополучным чистым местом, жители которого соблюдают нормы приличия и поэтому имеют право защищать его от нежелательных людей, приходящих со стороны. В текстах этим людям придаются разные негативные характеристики: от нарушения спокойствия до инфекции-

¹ В июле 2020 года консультационная служба была открыта. Инцидентов, связанных с протестами жителей, с того момента не было.

² <https://meduza.io/feature/2019/10/11/zhiteli-rayona-begovoy-v-moskve-podderzhivali-otkrytie-priyuta-dlya-bezdomnyh-no-kogda-vyyasnilos-chto-priyut-budet-imenno-tam-nachalis-protesty>* [здесь и далее знаком * помечены СМИ, признанные нежелательной организацией и заблокированные на территории РФ].

онных заболеваний. В вину ставится не столько факт нахождения в общественном пространстве (использование транспорта, посещение магазина), сколько его использование не по назначению (употребление еды и алкоголя на детской площадке, сон на лавочке и в подъездах жилых домов)³.

СТИГМАТИЗАЦИЯ И СОЦИАЛЬНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ БЕЗДОМНЫХ

Отношение к бездомным как к чужеродному элементу хорошо описывается понятием стигмы. Ирвин Гофман пишет о том, что общество устанавливает приемлемые для себя типы людей и присущие им качества, часто не осознавая существование этих требований. Словом «стигма» он называет приписывание человеку отрицательных свойств и последующее отождествление человеком себя с этим образом [Гофман 2000].

В случае, когда жители района хотят запретить кому-либо в этом районе находиться, стигматизируемый в глазах остальных не до конца является человеком. Его не хотят видеть рядом с собой, а значит, места, которые посещают стигматизируемые, должны располагаться как можно дальше от места жительства обычных людей. Стигматизируемым людям не хотят отказать в помощи вообще, но хотят отстоять свое право не видеть их возле своих домов.

Параллельно происходит еще один процесс, во время которого бездомный становится невидимым для общества, — «социальное исключение». По мнению Соловьевой, часто такое исключение совпадает с включением человека в сообщество бездомных [Соловьева 2001]. В каждом из сообществ существуют свои нормы и возникают связи, которые человеку необходимо усваивать. У бездомных существует своя карта города, свои принципы и правила передвижения по нему, которые частично навязаны их внутренней стигматизацией, а частично вызваны соображениями безопасности и экономии. Центрами притяжения на этой карте становятся вокзалы, а перемещение происходит чаще пешком или на наземном транспорте (на нем можно перемещаться бесплатно).

Благополучность районов

Вопросы сосуществования благополучных и неблагополучных жителей в рамках одного или разных районов — популярная тема в исследованиях городов и социальных взаимодействий.

³ https://paperpaper.ru/photos/v-moskve-uzhe-god-voyuyut-s-nochlezhkoj*/, <https://www.pravmir.ru/vy-hotite-bomzhatnik-v-vashem-dvore-rajon-begovoj-obedinilsya-protiv-nochlezhki-kto-prav/>, https://www.the-village.ru/village/city/city-interview/328851-nochlezhka*

Дэвид Харви называет современные города расколотыми. В первую очередь речь идет о расколе между высокооплачиваемыми работниками и остальными жителями городов [Харви 2008]. Но между постоянными жителями районов и находящимися там временно (бездомными и мигрантами) существует такой же раскол. По его мнению, города постоянно преобразуются под влиянием политической и социальной борьбы его жителей, которые стараются изменить населенный пункт согласно своим представлениям об идеальном городе, заявить о своем праве на него.

Благополучность районов и восприятие ее жителями достаточно хорошо описаны и осмыслены на примере американских городов. Майкл Дэвис, работавший в Лос-Анджелесе, утверждает, что страх преступности формирует районы города, которые сами собой обретают репутацию благополучных и неблагополучных. В дальнейшем эти представления поддерживаются медиа и последующим планированием городской среды [Davis 1998]. С другой стороны, Дженнифер Волч пишет про то, что эта расстановка сил постоянно меняется: те или иные районы постепенно становятся в массовом восприятии то опасными, то безопасными, перетекают друг в друга. Город постоянно меняет границы своих районов [Wolch 1990]. Кроме этого, Никола Смит выдвигает концепцию «мстительного переутверждения» города, согласно которой неблагополучные места безвозвратно становятся кластерами среднего класса. После того как неблагополучная промзона будет один раз переделана в пространство с кафе и магазинами, туда скорее всего не вернуться прежние порядки [Smith 2001].

Российские исследователи также пытались осмыслить благополучность районов. Мельников считает, что пространственная стигматизация бездомных в городах основана на джентрификации престижных районов, то есть, создавая объекты для отдыха и торговли, город вытесняет людей с проблемами на окраины [Мельников 2018]. В то же время Желнина отмечает, что стигматизация районов может вызывать положительные чувства у людей, принадлежащих к среднему и высшему классу. Для них стигматизация выполняет позитивную функцию разделения «чужих» и «своих» и утверждения себя в своем классе [Желнина 2011].

БЕЗДОМНЫЕ В ПРОСТРАНСТВЕ МОСКВЫ

Сегодня в Москве действует сразу несколько организаций, которые помогают бездомным людям регулярно. Сложно провести объективную оценку успешности их деятельности, но, кажется, что и этой работы не вполне достаточно, особенно с учетом того, что каждый день появляются новые люди, которым нужна помощь. Проблема этих организаций в том, что человеку, оказавшемуся на улице малознакомого

города (а большинство бездомных приезжие⁴) сложно получить эту помощь, потому что не так просто найти места, в которых она осуществляется. Поэтому обычно помощь оказывается там, где бездомные люди бывают чаще всего — возле вокзалов. О таких местах узнают от других людей в похожей ситуации. С целью дать нуждающимся информацию о пунктах помощи службой «Милосердие» был издан «Справочник бездомного»⁵ — небольшая книжка, в которой перечисляются все места, в которых можно получить помощь.

В Москве, во всяком случае, в ее центральной части, нет мест, которые однозначно воспринимаются как опасные и неблагополучные. Скорее существует представление о том, что центр более благополучен, чем окраины. Салмин называет пространство Москвы средневековым, сравнивая транспортные кольца с валами, которые играют роль охраны центра города от чужаков. Соответственно, чем ближе к центру, тем в среднем благополучнее среда, но это не значит, что в центре совсем нет неблагополучных мест [Салмин 2018].

Районы за пределами Садового кольца тоже достаточно непросто классифицировать по уровню благополучия. Например, в статье Вендиной делается попытка составить рейтинг тревожных районов Москвы, который основывается, с одной стороны, на мобильности локальных социумов, а с другой стороны, на страхе внешней агрессии [Вендина, Панин, Тикунов 2019]. В результате авторы приходят к выводу, что «раздраженные москвичи живут во всех районах города, но источники этого недовольства и их структура различны» [Там же: 10]. При этом наиболее раздраженные жители живут в районах, в которых одна причина раздражения преобладает над остальными. Например, в районе Арбат это происходит из-за большого количества туристов, а в Капотне — из-за сложной транспортной доступности.

С первого взгляда кажется, что люди в трудной жизненной ситуации находятся скорее ближе к вокзалам. Сиг Лангеггер и Стивен Кестер называют вокзалы переходным пространством, то есть таким, которое находится между первичным (пространство, используемое для коммерческих и символических целей) и маргинальным. Вокзалы — это места, в которых бездомные чаще всего могут пересидеть некоторое время в безопасности и тепле [Lanegger, Koester 2016]. Однако сегодня в Москве очень сложно находиться в здании вокзала, если твой вид не соответствует определенным критериям: обычно таких людей прогоняют сотрудники службы порядка. Даже при желании спать на вокзале непросто. Более того, на некоторых вокзалах нельзя провести всю ночь целиком, посетителей выгоняют из здания среди ночи на один час, чтобы провести уборку. Поэтому пространством сбора бездомных становятся не сами вокзалы, а территория вокруг них. На вокзалах, с одной стороны, с бездомными работают как существующие

⁴ Из всей выборки опроса только 94 человека (91 из них — граждане РФ) родились в Москве, и из них 61 человек никогда ее не покидал.

⁵ <https://www.diaconia.ru/book/spravochnik-bezdomnogo-2022>

благотворительные организации (например, одна из организаций даже называется «Курский вокзал»), так и представители нелегального бизнеса, которые могут привлекать людей, находящихся в поиске денег и ночлега, к незаконной деятельности или обманывать (случаи обмана, о которых мы слышим в интервью, происходят чаще всего в районе вокзалов). В результате складывается своеобразная инфраструктура жизни людей на улице, в которой задействованы разные организации, в том числе «Ангар спасения».

Важно еще то, что в Москве, в отличие от многих европейских городов, почти нет объектов инфраструктуры, которые ограничивают использование города: перегородок, решеток и шипов, которые мешают спать на улице. Но и это не значит, что бездомные могут спокойно находиться в любом месте города.

Видимость и невидимость посетителей «АНГАРА»

О бездомных часто говорят в категориях невидимости, подразумевая, что большинство жителей города не хотят помогать им и стараются не замечать проблем этих людей. Этому посвящено большое количество рекламных материалов организаций, которые помогают бездомным в разных странах. На рекламных плакатах с помощью различных визуальных методов изображают то, что люди не хотят замечать бездомных вокруг себя или не хотят поддерживать фонды, которые им помогают. Например, это может быть фигура человека, сделанная из мусора, или призывающие помочь бездомным рекламные щиты, которые расположены на уровне земли, там, где могут спать или сидеть бездомные⁶.

Однако, очевидно, существует еще один аспект невидимости бездомных. Многие из них невидимы, потому что не отличаются внешне от остальных жителей города. Противники пунктов помощи бездомным указывают непрезентабельный внешний вид как одну из причин, по которой этих людей не хотят видеть возле своих домов⁷. В ответ на это представители благотворительных организаций, наоборот, часто подчеркивают то, что большинство получателей помощи внешне неотличимы от обычных прохожих⁸. Жители окрестных домов, скорее всего, не видят в них людей, которые идут за получением помощи.

⁶ <https://www.lukejerram.com/invisible-homeless/>, <https://www.kcur.org/post/photos-tell-more-stories-wealthy-johnson-countys-homeless-people#stream/0>, <https://www.standard.co.uk/news/uk/hardhitting-posters-highlight-how-homeless-people-are-treated-as-invisible-a4086701.html>

⁷ <https://www.pravmir.ru/vy-hotite-bomzhatnik-v-vashem-dvore-rajon-begovoj-obedinilsya-protiv-nochlezhki-kto-prav/>

⁸ [https://meduza.io/feature/2019/10/11/zhiteli-rayona-begovoy-v-moskve-podderzhivali-otkrytie-priyuta-dlya-bezdomnyh-no-kogda-vyyasnilo-chto-priyut-budet-imenno-tam-nachalis-protesty*](https://meduza.io/feature/2019/10/11/zhiteli-rayona-begovoy-v-moskve-podderzhivali-otkrytie-priyuta-dlya-bezdomnyh-no-kogda-vyyasnilo-chto-priyut-budet-imenno-tam-nachalis-protesty)

И действительно, среди тех посетителей, которые не имеют жилья, многие оказались на улице совсем недавно⁹. Чаще всего это люди, которые приехали в Москву из родных городов на поиски работы, сразу столкнулись с проблемами, и внешне они совсем не отличаются от обычных прохожих.

Одежда — это важный показатель благополучности. Некоторые информанты говорили, что они пришли в первую очередь для того, чтобы получить приличную одежду, что повысит их шансы на получение работы. Помощь одеждой — это распространенный и простой вид помощи, который требует от жертвователей минимальных затрат: почти у всех есть ненужная одежда, от которой хочется избавиться, а в городе достаточно пунктов, в которых можно ее сдать, поэтому в «Ангаре» она всегда есть в наличии. Даже те люди, которые находятся на улице длительное время, но регулярно посещают благотворительные организации, могут получать там приличную одежду и привести себя в порядок. Для того чтобы получить новую куртку, посетителю «Ангара» надо попросить об этом дежурного и подождать. Все, кто просит новую одежду, получают ее в тот же день (речь идет о верхней одежде, белье получить сложнее, потому что оно должно быть новым).

Некоторые информанты рассказывали, что иногда они посещают бесплатные мероприятия в культурных центрах и библиотеках города и становятся там постоянными посетителями. Судя по всему, их не выгоняют оттуда за неподобающий вид.

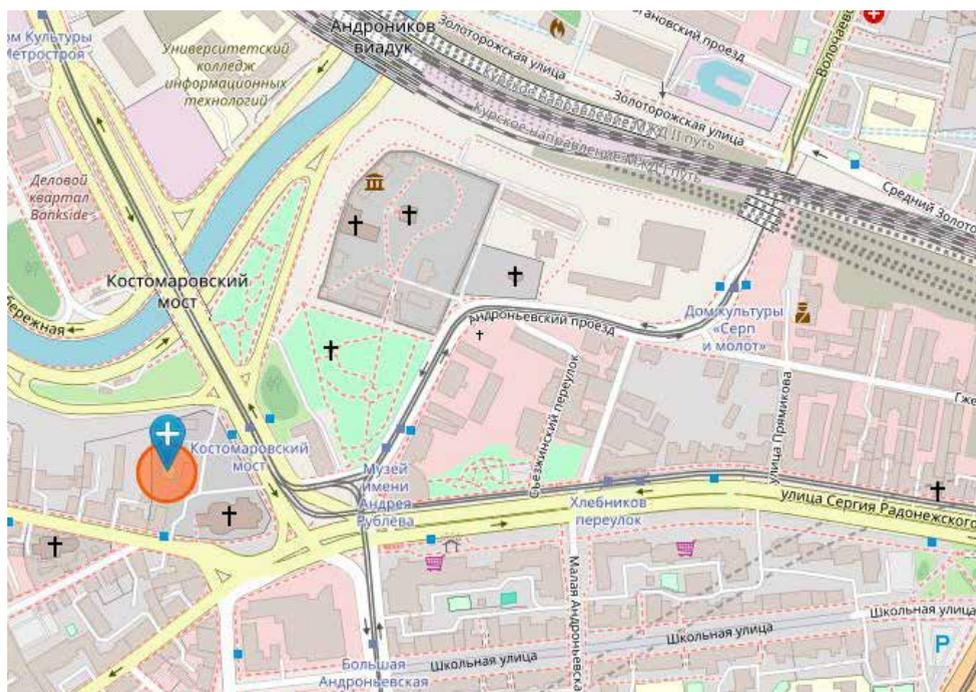
С одной стороны, невидимость бездомных способствует тому, что большинство из них, благодаря оказываемой помощи, начинают выглядеть так, что люди не определяют их визуально как тех, кому нужна помощь. Но, с другой стороны, такая ситуация создает в восприятии горожан искаженный образ бездомного (человека в грязной одежде не по сезону) — и именно этот образ вызывает страх и отторжение.

РАЙОН «АНГАРА»

Пространство, в котором расположен «Ангар спасения», в этой статье я буду называть «районом вокруг Андроньевской площади». Эта территория не является административной единицей города. Площадь достаточно сильно отдалена от окружающих ее трех станций метро (от каждой идти 15–20 минут) и воспринимается как отдельная зона, поведение прохожих в ней сильно отличается от происходящего возле каждой станции.

Обозначим примерные границы района: с северо-запада и севера он ограничен рекой Яузой, с запада — остановкой «Переулок Шелапутинский» на Николоямской улице, с юга — улицей Школьной, с

⁹ По словам многих респондентов, они оказались в Москве либо для того, чтобы искать работу (35%), либо уже получив предложение о работе (28%).

Илл. 1. Район вокруг Андроньевской площади.

На карте отмечено расположение «Ангара» и ближайшие храмы

Ill. 1. The area Andronyevskaya Square.

The map shows the location of the "Hangar" and nearby churches

востока — улицей Малой Андроньевской и Хлебниковым переулком (Илл. 1).

По классификации Уолцера, Андроньевскую площадь можно назвать целеустремленным пространством, то есть таким, в котором люди находятся недолгое время (в противовес открытому, в котором можно находиться долгое время, даже если прямо сейчас не совершаешь каких-то конкретных действий) [Walzer 1986]. Андроньевская площадь — это большой перекресток, к которому сходится восемь разных улиц. На этом перекрестке сложно выделить непосредственно «площадь», то есть пространство, по которому можно свободно ходить или находиться там некоторое время. Там не гуляют, не назначают встречи, не проводят мероприятия. Кажется, большинство людей, оказавшихся на площади, старались поскорее с нее уйти и проходили бы ее еще быстрее, если бы им не приходилось долгое время ожидать зеленого сигнала светофора.

Вокруг площади расположены нежилые здания, причем самого разного назначения: банк, музей, несколько кафе, хозяйственный магазин, суд и центр профориентации.

Я изучила отзывы об объектах, находящихся в этом пространстве на интернет-сервисах с отзывами. Ни в одном из них наличие неже-

лательных людей, нарушающих порядок или имеющих неприятный вид, не стало поводом для негативного отзыва.

Например, в южной части площади находится большой офис банка, расположившийся в отдельном здании. Несмотря на то, что здание занимает целый квартал, отделение работы с физическими лицами в нем небольшое. В отзывах на сервисе «Яндекс Карты» оно имеет высокую оценку и характеризуется как комфортное отделение, эта оценка гораздо выше, чем у других отделений этого банка.

Прямо через дорогу от «Ангара» (около двух минут ходьбы от ворот) находится кафе средней ценовой категории, в котором можно как поесть за столиком, так и взять еду с собой. В отзывах об этом кафе оценивается только качество еды и нет мнений о нежелательных людях вокруг.

Перед музеем имени Андрея Рублева находится небольшой сквер, но и он почти не используется для прогулок. Из-за шума от большого количества проезжающих машин этот сквер — не самое подходящее место для отдыха и в нем отсутствует инфраструктура, кроме нескольких скамеек и урн для мусора. Сам музей находится за сквером, в отдалении от площади.

ЖИЛЬЕ ДОМА ВОКРУГ ПЛОЩАДИ

Ближайшие к «Ангару» дома — это три девятиэтажных дома на улице Сергея Радонежского, которые не считаются жильем повышенной комфортности или престижности, не обладают какой-то культурной ценностью. Дома оборудованы домофонами, но ни в одном из них не работают консьержи (подъезды домов этого не предполагают), что делает доступ в подъезд непростым, но возможным.

За этими домами находится улица Школьная, состоящая из исторических зданий, которую летом 2019 года (после завершения наблюдения) сделали пешеходной рекреационной зоной¹⁰.

В одном из домов есть свой интернет-форум, на котором в 2012 году обсуждалось присутствие нежелательных людей в подъезде дома. В качестве борьбы с этими жителями предлагалось психологическое давление (свечение фонариком, громкий голос, визг), после чего дом должен был попасть в некий «черный список». Это происходило за два года до создания «Ангара», а значит, его существование не связано напрямую с использованием подъездов для сна бездомными.

Все социальные и коммерческие объекты, которыми пользуются жители домов (школы, детские сады, поликлиники, продуктовые магазины), находятся не вокруг площади, а в глубине кварталов. Для того чтобы в них попасть, жители домов идут в том направлении, куда посетителям «Ангара» обычно не надо. Площадь располагается как бы у них «за спиной», вне их внимания.

¹⁰ https://aif.ru/moscow/peshehodnaya_zona_shkolnuyu_ulicu_osvobodili_ot_mashin

Дорога к «АНГАРУ»

Жители близлежащих домов могли бы встречаться с посетителями «Ангара» не у себя в подъездах, а видеть их на улицах и возле объектов инфраструктуры, когда возвращаются домой или гуляют по району. Однако и такие встречи возможны нечасто.

Дорога от метро «Таганская»/«Марксистская» проходит по улице Александра Солженицына. На этой улице и прилегающих к ней переулках есть некоторое количество жилых домов (это невысокие дома старой застройки), но большую часть занимают офисные здания и небольшие магазины. Есть также несколько детских учреждений (в частности, школа эстрадного пения под руководством известного композитора: такое заведение вряд ли стали бы размещать в неблагополучном районе). Некоторые жилые дома на этом пути огорожены заборами, в некоторых есть консьержи. Маршрут не проходит через места, в которых люди могли бы остановиться и провести некоторое время и сделать выводы о том, что происходит вокруг. На этой же улице, примерно на половине пути к «Ангару», есть еще один храм — церковь Святителя Мартина Исповедника. Перед этим храмом нет какой-то инфраструктуры (лавочек, садика), благодаря которой можно было бы здесь задержаться. Это наиболее приятный и тихий маршрут к Андроньевской площади от метро, но, несмотря на это, на нем очень мало мест, которые можно использовать для отдыха, еды и употребления алкоголя, и посетители «Ангара», скорее всего, там не задерживаются.

Дорога от метро «Курская»/«Чкаловская» — единственный путь к «Ангару», который изображен в «Справочнике бездомного», при этом изображение настолько схематично, что оказавшемуся впервые в Москве человеку наверняка сложно в нем разобраться. Это наиболее длинная и немногочисленная дорога к центру дневного пребывания. Сначала она ведет через Верхний Сыромятнический сквер, который как раз является одним из неблагополучных мест возле вокзала, о которых я писала выше: там часто собираются люди в трудном положении (например, летом даже днем почти на всех лавочках кто-то спит или ест). Такое место действительно может вызывать негодование у жителей близлежащих домов, но от него до «Ангара» идти 15–20 минут. Далее дорога идет по Костомаровскому переулку и проходит через мост. На этом пути, если не считать сквера в начале, еще меньше возможностей остановиться (идти по нему наоборот хочется быстрее из-за ветра).

Жители находящихся возле площади девятиэтажных домов чаще всего едут домой через станцию метро «Площадь Ильича»/«Римская» и доходят до дома по улице Сергея Радонежского. Это наиболее многолюдный маршрут, и в его начале также находится участок, которым пользуются люди в трудной жизненной ситуации. В переходе метро достаточно часто можно видеть спящих людей, которых я ни разу не

встречала в «Ангаре». В случае выбора этого маршрута, выйдя из метро, жители домов движутся по левой стороне улицы Сергия Радонежского (с домами с четными номерами), притом что в «Ангар» проще попасть по правой стороне (нечетные номера домов) этой же улицы: в случае выбора левой стороны пешеходу придется, дойдя до Андроньевской площади, спуститься в подземный переход, что значительно усложнит и удлинит дорогу к «Ангару». Посетитель центра дневного пребывания может оказаться возле жилых домов, только если при первом визите ошибся дорогой, поэтому чаще всего посетители «Ангара» и жители домов не встречаются.

Встречи по дороге из «Ангара» еще менее вероятны, потому что посетители центра могут покидать его не пешком, а на автобусе, который время от времени заезжает туда, чтобы забрать желающих попасть в Центр социальной адаптации, где некоторые бездомные проводят ночь.

Доступность «Ангара» для посетителей

Андроньевская площадь — сложный для ориентации объект, и найти на нем нужное здание непросто тем, кто оказался там впервые. Тем, кто идет к «Ангару» от метро «Площадь Ильича», необходимо перейти дорогу три раза, каждый раз ожидая на светофоре не меньше минуты. Если человек идет, ориентируясь на то, что «Ангар» находится за храмом, то запутать его может музей имени Андрея Рублева, который находится в Спасо-Андрониковом монастыре и внешне тоже похож на церковь. Более того, чуть дальше по Николоямской улице находится еще один храм, что делает этот ориентир еще более слабым.

«Ангар спасения» размещается в квартале между Андроньевской площадью, Николоямской улицей и рекой Яузой во дворе посреди зданий, в которых расположен Епархиальный отдел по благотворительности — церковная организация, которая занимается вопросами помощи нуждающимся. Часть зданий отдела находится в квартале между Андроньевской площадью, Николоямской улицей и рекой Яузой. Комплекс отдела окружен забором (днем на территорию могут попасть все желающие) и включает в себя трехэтажное административное здание, храм Преподобного Сергия Радонежского, небольшой садик перед храмом, детскую площадку, хозяйственные постройки храма, парковку и сам «Ангар». Территория «Ангара» огорожена еще одним забором, ворота которого могут закрываться на замок. В случае если посетителей больше, чем может поместиться внутри (чаще всего это случается зимой), дверь закрывается, и желающие попасть внутрь ждут возле забора. Люди могут стоять в такой очереди около часа. Обычно они просто стоят и не разговаривают друг с другом и людьми, оказавшимися возле ворот (Илл. 2).

Надо сказать, что до начала работы в «Ангаре» нам с коллегами приходилось бывать в отделе, и во время этих визитов мы не замечали того, что совсем рядом находится площадка, на которой пребывает од-

Илл. 2. Ожидание около ворот. Фотография Т. М. Крихтовой
Ill. 2. Waiting near the gate. Photo by Tatiana Krikhtova

новременно до 100 человек. Даже находясь прямо возле забора «Ангара», можно принять его за хозяйственные постройки, если поток заходящих внутрь небольшой (Илл. 3). Неизвестно, стояла ли перед теми, кто проектировал центр дневного пребывания, задача замаскировать его, однако увидеть и опознать это место случайному прохожему действительно непросто.

Начиная от ворот отдела и до входа на территорию «Ангара» стоят указатели, которые ведут непосредственно к центру дневного пребывания. Получается, что до того, как увидеть указатели, посетителю надо пройти немалый путь, от метро или вокзала до ворот отдела, на котором указателей нет. Проблему с навигацией отметил даже дизайнер Артемий Лебедев, посетивший «Ангар спасения» в 2018 году¹¹. Посетители «Ангара» проходят через территорию отдела быстро, не задерживаясь.

О том, что не все жители и прохожие района понимают, что находится за вторым забором, говорит то, как они используют территорию отдела. В непосредственной близости от входа в «Ангар», прямо через забор, расположена детская площадка, задача которой, видимо, в том, чтобы развлечь детей прихожан храма. Во время богослужения там обычно присутствует 2–3 мамы с маленькими детьми. В то время, когда служба не проходит, на площадке также можно встретить людей с детьми. Это либо жители ближайших домов, которые вышли со своими детьми на прогулку, либо прохожие, решившие отдохнуть, проходя через площадку. Место, в котором посетители «Ангара» ждут возможности попасть внутрь, хорошо видно с детской площадки. При

¹¹ <https://tema.livejournal.com/2819914.html>

Илл. 3. Стена «Ангара спасения» и церковь Сергия Радонежского.

Фотография Т. М. Крихтовой

Ill. 3. The wall of the “Rescue Hangar” and the Church of St. Sergius of Radonezh.

Photo by Tatiana Krikhtova

этом те, кто стоит в очереди, не используют детскую площадку как место ожидания, несмотря на то, что там есть скамейки и гамак, а прямо возле ворот нет никаких мест для сидения. Скорее всего, так происходит, потому что они боятся не попасть внутрь в тот момент, когда ворота откроются для запуска новой партии посетителей.

Посетители «Ангара» не заходят в находящийся рядом храм. Те, кто давал нам интервью, не называли этот храм местом, которое они посещают регулярно, и не знают священников из этого храма¹². Если в интервью они и говорят о знакомых священниках, то это священники из храмов, находящихся в других местах. Несколько раз я видела, как посетители «Ангара» собирали милостыню возле храма, но не шли внутрь на богослужение.

Многие информанты в своих рассказах о городе воспринимали его достаточно хаотично: не могли понять, откуда пришли в центр дневного пребывания, куда пойдут дальше, где они находятся относительно других городских объектов. Несколько раз я показывала посетителям

¹² Из всей выборки только 41% респондентов знает священника, с которым может поговорить, и это не священники их ближайшего храма.

карту Москвы, и каждый раз мне самой приходилось отмечать, где мы находимся сейчас и где находятся другие места, которые они знают.

Сказанное не относится к информантам, родившимся в Москве, которых в выборке было чуть больше десяти процентов. Они, наоборот, рассказывали о том, как хорошо знают город, о местах, в которых жили, учились и работали до того, как оказаться на улице, видимо, чтобы подчеркнуть свою связь с городом и, возможно, по собственной оценке, более высокий статус по сравнению с другими посетителями.

Получается, что для того, чтобы попасть внутрь в первый раз, посетитель должен прийти туда вместе с тем, кому эта дорога известна, либо получить четкую инструкцию. У большинства посетителей не было при себе смартфонов, на которые можно было бы загрузить карты Москвы, бумажных карт я тоже ни разу не видела у посетителей. Спросить дорогу у прохожих — тоже неудобный вариант. Во время проведения наблюдения я 20 раз спрашивала дорогу до «Ангара спасения» в разных частях площади у людей разного возраста, и никто из них не смог ответить на вопрос. Некоторые предложили подойти к храму, но, скорее, не потому что знали о местоположении, а просто по ассоциации «храм — место, в котором помогают нуждающимся».

Выводы

В итоге, рассмотрев особенности района и расположения «Ангара», а также внешнего вида его посетителей, можно понять, как этому объекту удастся действовать с 2014 года и не вызывать сопротивления жителей близлежащих домов. Посетители «Ангара» не подвергаются прямой стигматизации (или подвергаются ей крайне редко) в конкретном районе города, потому что их пересечение с жителями района нечастое и не выглядит как систематическая проблема этого района.

Перечислю еще раз причины отсутствия прямой стигматизации:

1. *Внешний вид большинства посетителей, не привлекающий внимание.* Жители района просто не идентифицируют в них тех, кто идет получать помощь, потому что они оказались на улице совсем недавно либо уже успели получить новую одежду. К тому же, в глазах жителей района, на контрасте с людьми, спящими на лавочках в Верхнем Сыромятническом сквере и подземном переходе на станции «Римская»/«Площадь Ильича», посетители «Ангара спасения», то есть люди, готовые приложить усилия для получения помощи, выглядят более приемлемо.

2. *Небольшое количество потенциальных «мест встреч» между посетителями «Ангара» и местными жителями.* Возле площади и по дороге к ней почти отсутствуют места, в которых люди могли бы останавливаться и смотреть друг на друга, а также площадки, в которых можно находиться долгое время и вести себя неподобающим образом.

3. *Скрытое местонахождение.* «Ангар» находится в пространстве, которое как бы отрезано от всего, что его окружает: с одной стороны пе-

рекресток, на котором долго не задерживаются пешеходы, с другой — река Яуза, которая «обрезает» район, и все, что находится за ней, принадлежит другому локусу. «Ангар» же не принадлежит ни площади, ни территории храма и отдела, а существует сам по себе.

Эти три обстоятельства — одновременно и недостаток, и преимущество «Ангара спасения». Текущее местоположение не выбиралось для центра дневного пребывания специально. «Ангар» появился на этом месте потому, что его удобно было сделать возле Епархиального отдела по благотворительности. В результате место, выбранное почти случайно (отдел создавался задолго до «Ангара») оказалось, по некоторым характеристикам, подходящим для учреждения такого типа. «Ангар» спрятан от глаз тех, кто живет и работает рядом, и от тех, кто приходит туда за помощью. Таким образом, у жителей города не формируется никаких представлений о том, как выглядит место, в котором помогают бездомным, не возникает никаких ассоциаций, что в итоге никак не влияет на стигматизацию посетителей «Ангара». Бездомные ассоциируются в первую очередь с теми, кто спит в переходах и на лавочках, неприятно пахнет, но не с людьми, которым нужна помощь с восстановлением документов для устройства на работу и которые готовы вернуться к обычной жизни, для чего им и необходимы центры дневного пребывания.

Литература

- Вендина, О. И., Панин, А. Н., Тикунов, В. С. (2019). Социальное пространство Москвы: особенности и структура. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*, 2019(6), 3–17.
- Гофман, И. (2000). Отклонения и девиация. (Стигма: заметки об управлении испорченной идентичностью. Глава 5). *Социологический форум*, 2000(3–4), 1–40.
- Желнина, А. А. (2011). «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство. *Laboratorium. Журнал социальных исследований*, 2011(2), 48–69.
- Мельников, М. В. (2018). Отношение к пребыванию бездомных в общественном пространстве: теоретические аспекты социологического изучения. *Общество: социология, психология, педагогика*, 2018(1), 23–30.
- Орешина, Д. А., Елагина, В. С., Врублевская, П. В., Крихтова, Т. М. (2019). *Бездомные российского мегаполиса. Аналитический отчет*. Режим доступа: http://socrel.pstgu.ru/RU/report_of_project_2019.
- Салмин, Л. Ю. (2018). Невидимая Москва. К проблеме города как визуального дискурса. *Project baikal*, 2018(55), 46–50.
- Соловьева, З. Р. (2001). Реабилитация бездомных: исследование «Ночлежки». *Журнал социологии и социальной антропологии*, 4(3), 93–101.
- Сычев, А. (2019). «Ночлежка» у вашего дома. Почему люди боятся соседства с приютом для бездомных. *Исследование*. Режим доступа: <https://tiburon-research.ru/cases/nochlezhka-u-vashego-doma-pochemu-lyudi-boyatsya-sosedstva-s-priyutom>.
- Харви, Д. (2008). Право на город. *Логос*, 3(66), 80–94.
- Davis, M. (1998). *Ecology of fear: Los Angeles and the imagination of disaster*. London: Macmillan.
- Langegger, S., Koester, S. (2016). Invisible homelessness: Anonymity, exposure, and the right to the city. *Urban Geography*, 37(7), 1030–1048.
- Smith, N. (2001). Global social cleansing: Postliberal revanchism and the export of zero tolerance. *Social Justice*, 28.3(85), 68–74.

- Walzer, M. (1986). Pleasures and costs of urbanity. *Dissent*, 33(4), 470–475.
- Wolch, R. (1990). *The shadow state: Government and voluntary sector in transition*. New York: Foundation Center.

References

- Davis, M. (1998). *Ecology of fear: Los Angeles and the imagination of disaster*. London: Macmillan.
- Goffman, I. (2000). Contravention and deviation. (Stigma: notes on the management of spoiled identity. Chapter 5). *Sociological Forum*, 2000(3–4), 1–40. (In Russian).
- Harvey, D. (2008). The right to the city. *Logos*, 3(66), 80–94. (In Russian).
- Langegger, S., Koester, S. (2016). Invisible homelessness: Anonymity, exposure, and the right to the city. *Urban Geography*, 37(7), 1030–1048.
- Melnikov, M. (2018). Attitudes towards the stay of the homeless in public space: theoretical aspects of sociological research. *Society: sociology, psychology, pedagogy*, 2018(1), 23–30. (In Russian).
- Oreshina, D. Elagina, V., Vrublevskaya, P., Krikhtova, T. (2019). *Homeless people of the Russian metropolis. Analytical report*. Retrieved from http://socrel.pstgu.ru/RU/report_of_project_2019 (In Russian).
- Salmin, L. (2018). Invisible Moscow. Towards the problem of the city as a visual discourse. *Project baikal*, 2018(55), 46–50. (In Russian).
- Smith, N. (2001). Global social cleansing: Postliberal revanchism and the export of zero tolerance. *Social Justice*, 28.3(85), 68–74.
- Solovieva, Z. (2001). Rehabilitation of the Homeless: A Nochlezhka case. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 4(3), 93–101 (In Russian).
- Sychev, A. (2019). “Nochlezhka” near your home. Why people are afraid of being next to a homeless shelter. Study. Retrieved from <https://tiburon-research.ru/cases/nochlezhka-u-vashego-doma-pochemu-lyudi-boyatsya-sosedstva-s-priyutom> (In Russian).
- Vendina, O., Panin, A., Tikunov, V. (2019). Social space of Moscow: features and structure. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences. Geographical series*, 2019(6), 3–17.
- Walzer, M. (1986). Pleasures and costs of urbanity. *Dissent*, 33(4), 470–475.
- Wolch, R. (1990). *The shadow state: Government and voluntary sector in transition*. New York: Foundation Center.
- Zhel'nina, A. (2011). Here as a museum: Shopping center as a public space. *Laboratorium. Journal of Social Research*, 2011(2), 48–69. (In Russian).